

И. Ф. МАРТЫНОВ

**ЗАБЫТЫЙ ТИПОГРАФ XVIII СТОЛЕТИЯ
ИВАН НИКИТИЧ ТРЕДИАКОВСКИЙ**

В истории отечественной культуры XVIII в. встречается еще немало несправедливо забытых имен. Посвятив свое фундаментальное исследование судьбам русской демократической интеллигенции послепетровской эпохи, М. М. Штранге¹ совершенно обошел вниманием значительную социальную группу, с такой энергией проявившую себя позднее в движении 1850—1860-х годов. Это были выходцы из среды бедного духовенства, в первую очередь питомцы Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий, которые уже с середины XVIII в. активно трудились на самых различных поприщах, немало способствуя просвещению своих соотечественников. О деятельности одного из них, Ивана Никитича Тредиаковского, нам бы хотелось рассказать здесь подробнее.

Первое известие об этом энергичном, предприимчивом человеке сохранилось среди старых бумаг синодального ведомства. «1773 года марта 8 дня Московской типографии в должности корректора Иван Никитин сын Тредьяковской скаскою объявил, — гласит обнаруженный нами документ, — что он родом Тульского уезда села Скоморошек, церкви Покрова Богородицы дьячка Никиты Семенова сын. И, прежде обучавшись с 1759 года в Коломенской семинарии и в Московской академии, был потом учителем в оной Коломенской семинарии грамматики и инфимы. Наконец, по прошению его, переведен исключительно из оной Коломенской епархиальной семинарии указом Святейшего синода в Московскую академию в 1768 году и по окончанию учения богословского определен в типографию указом Святейшего синода конторы 1772 года августа 2 дня. От роду ему 26 лет, жена у него Настасья, бывшего при строении дворца магазин-вахтора

¹ Штранге М. М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965.

Ивана Алексеева Гальцова дочь. Жительство имеет на Пречистинке, в приходе у Воскресения Нового, у купца второй гильдии Лариона Кузьмина».²

Как видно из ведомости о студентах, обучавшихся в Славяно-греко-латинской академии в 1770 г., Иван Тредиаковский «остроту понятия доказал похвальным успехом», однако спустя несколько месяцев он «богословское учение окончил и отбыл самовольно, не получивши никакого увольнения».³ После ухода из Академии студент-недоучка с 12 февраля 1771 г. по 8 июля 1772 г. обучал «закону и прочим наукам» детей князя Н. А. Оболенского, а затем 25 июля 1772 г. подал прошение о зачислении в Московскую синодальную типографию, напомнив начальству о том, что у него «не токмо есть и пить» нечего, «но ниже где жить» нет места. 4 августа 1772 г. его привяли на должность справщика с жалованием 75 руб. в год.⁴ Вскоре Тредиаковский был замечен начальством, и ему поручили исполнять корректорские обязанности,⁵ а в начале 1774 г., по-видимому не без чьей-то влиятельной протекции, вызвали в Петербург для возобновления деятельности местной синодальной типографии, бездействовавшей с января 1767 г.⁶

Новый комиссар (заведующий полиграфическим производством) и несколько рабочих прибыли в столицу, осмотрели хранившиеся в синодальном архиве два стана для печатания церковных и гражданских книг и обнаружили, что они совершенно не пригодны к работе.⁷ Тредиаковский энергично принялся создавать типографию заново, представил несколько проектов и заявок на оборудование, заказал гражданские шрифты, которые были скопированы с академических и отливались в Московской синодальной типографии.⁸ Вскоре детище Тредиаковского проявило первые признаки жизни, была выпущена книга «Алфавит духовный», а усердный справщик награжден прибавкой к жалованию.⁹

² ЦГАДА, ф. 1184, оп. 2, д. 643, л. 50.

³ Там же, ф. 1183, оп. 1772 г., д. 558, л. 4, 7.

⁴ Там же, л. 2, 8, 11. Князь Н. А. Оболенский в аттестате, выданном Тредиаковскому, засвидетельствовал, что он «своими честными и добрыми качествами по справедливости заслужил себе место между нелицемерно честными» (л. 2).

⁵ Там же, ф. 1184, оп. 2, д. 643, л. 50.

⁶ Гаврилов А. В. Очерк истории Санкт-Петербургской синодальной типографии. СПб., 1911, вып. 1. 1711—1839, с. 215; ЦГИА, ф. 796, оп. 59, д. 476, л. 1—5.

⁷ ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1774 г., д. 131, л. 49.

⁸ Гаврилов А. В. Очерк..., с. 223—224, 227—231. Более подробные сведения о работе Петербургской синодальной типографии в это время см.: ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, д. 8299—8434.

⁹ В сентябре 1774 г. Тредиаковский представил прошение о переименовании его корректором, и, поскольку был усмотрен Синодом «в должности своей прилежным и исправным», то с мая 1774 г. ему дали эту должность и положили жалование 200 руб. в год (ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1774 г., д. 131, л. 49). 13 февраля 1778 г., по представлению Синода,

После первых напряженных месяцев книгоиздательская деятельность здесь надолго замерла в связи с отъездом Синода в Москву,¹⁰ и Тредиаковский в поисках дополнительного заработка занялся «приватными» переводами. Отличное знание латинского языка и профессиональное чутье литератора обеспечили синодальному корректору поддержку содержателя типографии Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса Христиана-Фридриха Клеэна, охотно печатавшего своим «иждивением» его переводы. Издание сборника анекдотов о великих мужах прошлого и неверных женах под названием «Рассказчик забавных и увеселительных повестей» (СПб., 1777) принесло, вероятно, неплохие барыши типографу Клеэну и переводчику Тредиаковскому.

Интереснее другой перевод Тредиаковского, также напечатанный за счет Клеэна, — два «рассуждения» К. Линнея «О употреблении кофеа» и «О человекообразных» (СПб., 1777). Книга эта вышла в свет явно позднее 1777 г., обозначенного на ее титульном листе, поскольку рецензия на нее как на последнюю новинку появилась в «Санктпетербургском вестнике», издаваемом Г. Л. Брайко, только в феврале 1779 г. В этой рецензии редактор одного из лучших столичных журналов того времени горячо одобрил саму идею познакомить русских читателей с сочинениями великого шведского естествоиспытателя, однако резко критически отозвался о профессиональном мастерстве переводчика, обвинив его в буквализме.

По невыясненным обстоятельствам 25 февраля 1779 г. Тредиаковский был уволен в отставку, а в апреле Синод назначил на его место младшего корректора Михаила Кудрявцева.¹¹ Бывший комиссар Петербургской синодальной типографии вернулся в Московскую синодальную типографию снова на корректорскую должность, правда, с гораздо большим окладом.¹² Возвращение Тредиаковского из Петербурга совпало с началом славного московского десятилетия издательской деятельности Н. И. Новикова, с первыми преобразованиями в Университетской типографии и организацией Дружеского ученого общества. Вместе с некоторыми другими служащими Московской синодальной типографии Тредиаковский стал активным сотрудником великого русского просветителя. Уже в декабре 1780 г. он просил местную синодальную контору разрешить ему напечатать на свой «кошт» новый перевод книги «Диоптра или Зерцало мирозрительное»: «В свободное время, остающееся от должности моей, а особливо ночное и праз-

он получил чин губернского секретаря (там же, ф. 286, оп. 1, д. 620, л. 269).

¹⁰ Гаврилов А. В. Очерк..., с. 222.

¹¹ Санктпетербургский вестник, 1779, февр., с. 137—142.

¹² Гаврилов А. В. Очерк..., с. 267; ЦГАДА, ф. 1184, оп. 2, д. 661, л. 54. Тредиаковский был отпущен в Петербург с паспортом от 22 июня 1779 г.

дничное, переведена, мною именованным, с латинского языка на русский книга под названием Дионтра или Зерцало мирозрительное, представляющее суету сего света, которая, хотя и была прежде переведена выбором на славянский язык и напечатана церковною печатью в обители Кутейнской в 1651 году, однако как перевод оной столь темен и в рассуждении славянских речений, вышедших из употребления, столь невразумителен, что всякому человеку, привыкшему к чистоте славяно-русского диалекта, в чтении наводит отвращение. К тому ж в каждой главе по трети, по полуглаве и более пропущено; и, в-третьих, что авторские мысли во многих местах не в той силе изображены, как должно, и, наконец, в некоторых местах только что надписи глав порядочно поставлены, главы же, кои под оными надписями в латинском оригинале состоят, совсем не переведены, а вместо того из разных глав мелкие пункты собраны и положены вместо оных. И для того, дабы оная книга на нашем русском диалекте читателями с пользой употребляема быть могла и с выражением всего ее содержания, нужда была перевести всю оную вновь яснейшим и употребительнейшим наречием, которую при сем на благорассмотрение и представляю. Того ради Святейшего правительствующего синода контору всепокорно прошу помянутую книгу, по благорассмотрении, дозволить мне, именованному, для пользы общества выпечатать в типографии Московского имп. университета собственным моим коштом и сей посильный труд не оставить бездействительным, а тем самым поощрить меня, именованного, к переводению и других духовных книг».¹³ В предисловии к печатному изданию Тредиаковский повторил часть этих доводов.¹⁴ Однако расхождение между челобитной и предисловием — положительная оценка в нем деятельности переводчиков XVII в. для «блага общественного» — позволяет предполагать здесь следы редакторской работы Новикова и его бесед с переводчиком. Стремление Тредиаковского отстоять перед обществом свое право на творческое, критическое отношение к текстам, популярным еще в рукописной славяно-русской традиции, весьма симптоматично для русской культуры послепетровской эпохи.

Первый опыт «исправления» церковнославянских книг прошел для корректора Синодальной типографии вполне удачно, и вскоре он предпринял новое издание — «Беседы на Шестоднев» Василия Великого (М., 1782).¹⁵ Синодальная контора разрешила напечатать и этот перевод, однако книга вышла в свет без указания имени переводчика. Последующие свои труды Тредиаковский

¹³ ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1781 г., д. 9, л. 1.

¹⁴ Дионтра или Зерцало мирозрительное. Вновь переведенное Московской типографией корректором г. с. Иваном Тредиаковским. М., 1781, ч. 1, [с. 7].

¹⁵ ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1782 г., д. 73.

(анонимно) издавал уже «иждивением» новиковской Компании, не представляя их на цензуру в Синод.¹⁶

По-видимому, уже тогда, сразу же после обнаружения указа 1783 г., разрешавшего заведение «вольных» типографий, Тредиаковский начал подумывать всерьез о собственном деле. 25 февраля 1785 г. он получил отпуск на месяц с разрешением выехать в Петербург «для свидания с родственниками и для исправления собственных его надобностей»,¹⁷ но обратно уже не возвратился. Заручившись протекцией могущественного в то время генерал-майора и кавалера Петра Александровича Соймонова, зятя известного историка того времени И. Н. Болтина, Тредиаковский в конце мая 1785 г. перешел на службу в его канцелярию.¹⁸

Как и многие другие вельможи екатерининского двора, Соймонов совмещал обязанности статс-секретаря по принятию прошений на «высочайшее» имя с доходными должностями директора императорских театров, Кольвановских заводов и Горного училища. Целый отряд исполнительных чиновников обеспечивал их начальнику относительно беззаботное существование. Долгое время чуть ли не одним из самых хлопотных дел, находившихся в прямом ведении Соймонова, оставалось распределение между петербургскими и московскими типографиями заказов на печатание учебников для Горного училища, афиш, билетов и программ для придворных театров, а главное — изданий «Кабинета ее императорского величества», в том числе исторических сочинений и пьес самой Екатерины II. Поэтому появление в штате Кабинета опытного специалиста книжного дела было весьма своевременным.

Около года решался вопрос, при каком из подведомственных Соймонову учреждений и на каких основаниях организовать «подручную» типографию. У Кабинета и дирекции императорских театров не было собственной полиграфической базы, а два печатных стана и шрифты, пожертвованные в 1775 г. Горному училищу П. А. Демидовыми и коломенским купцом Я. К. Шульгиным, за десять лет вконец износились.¹⁹ Однако при Училище

¹⁶ Имеются в виду книга Полидора Вергилия Урбинского «О первых изобретателях всех вещей» (М., ч. 1—2. 1782) и «Божественные паставления» Лактанция (М., ч. 1—2. 1783). Цензором книги Лактанция был статс-секретарь Екатерины II Г. В. Козицкий.

¹⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 66, д. 201, л. 2.

¹⁸ Там же, л. 1, 6, 9.

¹⁹ Лоранский А. Исторический очерк Горного института. СПб., 1873, с. 22. 24. Типография печатала исключительно переводы книг по горному делу и сочинения преподавателей Училища. Все эти сочинения, за небольшим исключением, оставались на складе типографии. В 1782 г. из-за убыточности типография была упразднена, книги, необходимые для обучения, решено было печатать в «вольных» типографиях, а станы и типографское оборудование передать в Сенатскую типографию (ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 1391, л. 378—382). Всего типография напечатала 17 книг, по большей части тиражом в 450 экз. Попытка передать это предприятие в аренду частному лицу, по-видимому, не удалась. Сохранился только проект контракта с неизвестным типографом (там же, л. 1).

еще сохранялись кадры опытных типографских рабочих. Это и решило судьбу будущего предприятия. Хлопоты и заботы, связанные с возобновлением работы казенной типографии, пугали Соймонова. Гораздо проще и выгоднее было по примеру Комиссии о народных училищах подрядить для выполнения своих заказов предприимчивого «вольного» типографа, оказав ему на первых порах помощь деньгами и специалистами. Долго искать такого человека не пришлось. 25 февраля 1786 г. И. Н. Третьяковский предложил Соймонову «принять в протекцию» Горного училища свою вновь заведенную типографию,²⁰ а через два дня дирекция Училища подписала с ним нижеследующий контракт из девяти пунктов:

«1) Горное училище, имея необходимую надобность в печатании всяких случающихся по классам на русском и французском языках пиес, книг и прочего и уклоняясь от заведения собственной типографии, немалого на то требующего капитала, принимает в свою протекцию заводимую губернским секретарем Иваном Третьяковским на собственный его кошт типографию и, желая оную иметь как бы в своей собственности, для споспешествования в заведении ее и в рассуждении будущих в пользу Училища с стороны оной выгод в нижеписанных статьях означенных одождает его впредь на шесть лет тремя тысячами рублей, без процентов, которые и должны им в срок возвращены быть безотговорочно; 2) Горное училище дает сей заводимой им, Третьяковским, право называться типографией Горного училища; 3) помянутая типография во всех ее делах в рассуждении производства книгопечатания и расчетов в приходах и расходах состоит на хозяйственном его, содержателя Третьяковского, распоряжении, и Горное училище в случае каких-либо ему, содержанию, от содержания ее убытков не принимает в свою часть ничего, равно и в рассуждении прибыли, ежели какой от содержания ее ему, содержанию, последует, в участие не входит; 4) обязуется он, содержатель, печатать для Горного училища всякие книги, нужные для оного, также методы и другие пиесы, ежели оные из целого листа или многих состоять будут, получая за каждый лист за набор в обыкновенный формат, а равно и за тиснение против Академии наук в полы, мелкие же пиесы, в поллиста, четверть и осмую долю, ежели оные изредка назначаемы будут, да и числом экземпляров не будут превосходить четверть завода, печатает он, содержатель, безденежно; 5) бумагу на списывание книг всех и всяких пиес, какие от Училища назначены будут, дает Училище собственную, а ежели употреблена будет по приказанию Училища бумага его, содержателя, тогда Училище платит за оную ту цену, по какой она содержится в покупке обошлась; 6) для корректуры сих училищных книг и пиес, печатаемых в сей типографии, корректор назначается с учи-

²⁰ ЦГИА, ф. 468, оп. 32, д. 91, л. 1.

лицной стороны, который и должен не задерживать всякого листа корректуры более одного дня, в противном случае содержатель типографии имеет право требовать за простойные на том стану дни столько, сколько ему от того каждый день по расчислению последует убытка; 7) Горное училище для помещения сей типографии на несколько времени, покуда содержатель оной собственный свой купит дом, дает покой в новом флигеле в нижнем этаже; 8) Горное училище отдает в оную типографию знающих типографские дела людей, которые, по силе сего условия, нарочно для сей типографии от Святейшего правительствующего синода истребованы будут в полное его, содержателя, распоряжение, кто к чему способен окажется; на содержание которых с стороны Училища не требовать ему, содержателю, никакой суммы, а довольствоваться из своих типографских доходов, определяя каждому, кто какого жалованья будет достоин, в случае же неисправности и наказывая по соразмерности дела; 9) содержатель типографии обязывается содержать оную на сих кондициях десять лет с тем, однако, ежели с стороны Горного училища или печатанием непрерывным за малую плату книг, или чрез меру многих безденежно пиес, или другим каким способом обременен не будет, или, если не почувствует от содержания оной типографии убытка. В противном же случае волен он, содержатель, не додержав термина десятилетнего, оставя титул типографии Горного училища и возвратя взятых из Училища мастеровых людей в штат оного, нарушить сей контракт и остаться с своею типографиею под названием частной».²¹

Условия контракта были довольно выгодными для Тредиаковского. Он не смог продержаться только немногочисленными изданиями по горному делу, но через Соймонова, оставаясь его секретарем при Кабинете,²² получал преимущественное право на выполнение типографских заказов правительства. Такое привилегированное положение и личная заинтересованность Кабинета в улучшении деятельности типографии сделали ее одним из лучших в то время полиграфических предприятий России. Тредиаковский при помощи Соймонова нанял во Франции двух высококвалифицированных типографов Жана Тома и Лорапа Маона, которые создали выдающееся для того времени шрифтовое хозяйство.²³ Фронт работ с каждым годом расширялся, и содержатель типографии Горного училища пригласил в качестве помощника и

²¹ Там же, л. 2—3.

²² 3 апреля 1786 г. по представлению С. Ф. Стрекалова Тредиаковскому, «находящемуся при Соймонове», был дан чин коллежского асессора и право на потомственное дворянство (ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 733, л. 262—263).

²³ *Полонская И. М.* Издательская деятельность Ф. В. Каржавина. — В кн.: *Проблемы рукописной и печатной книги.* М., 1976, с. 163—166, 174—177; *Горфункель А. Х.* Книги «русского американца». — Ленинградский университет, 1980, 4 января, с. 11; ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 37560, л. 1.

компаньона кабинетского переводчика Семена Семеновича Лехавого.²⁴

Дела Тредиаковского в первые годы шли настолько удачно, что он сумел даже досрочно, ко 2 декабря 1788 г., выплатить Училищу полученные в долг «на обзаведение» три тысячи рублей.²⁵ За семь лет работы типографии (1786—1793 гг.) с ее станов вышущено в свет около 70 названий книг на русском, французском и пемецком языках. В дни русско-турецкой кампании 1787—1791 гг. сюда поступил из Кабинета е. и. в. необычный заказ. Подготавливая восстание балканских народов против иноземных поработителей, русское правительство поручило Тредиаковскому печатание воззваний и манифестов на греческом языке специально отлитыми для этой цели шрифтами.²⁶ Выпуск книг, составлявший вначале 6—7 томов ежегодно, достиг максимума (24—28 томов) в 1789—1792 гг. и практически упал до нуля в последние месяцы существования типографии. Большинство оригинальных и переводных сочинений печаталось «стандартным» для того времени тиражом в 1200 экземпляров; исключением из этого правила были либо наиболее популярные у читателей периодические издания («Продолжение трудов Вольного экономического общества» — 2400 экз.), либо «камерные» безделки сановных авторов (оперы Екатерины II — по 600 экз.). Стоимость печатания во многом зависела не только от тиража и объема книги, но и от ее полиграфического оформления: выбора шрифтов, книжных украшений, бумаги. Так, издание четырехтомного собрания сочинений Я. Б. Княжнина тиражом в 1500 экземпляров обошлось казне в 6371 руб. 49 коп., а 600 экземпляров исторического представления Екатерины II «Начальное управление Олега» — в 6940 руб. 99 коп.²⁷

В типографии Тредиаковского, формально состоявшей под «протекцией» Горного училища, были напечатаны только три книги по геологии и горному делу, причем одна из них — «Первые основания искусства горных и соляных производств» (9 ч., 1786—1791) начальника Старорусского солеваренного завода Ф. Л. Канкрин — по прямому распоряжению и на счет императ-

²⁴ Лехавый с 1765 г. был гимназистом, студентом, а затем переводчиком при Академии наук, в 1782 г. с чином регистратора поступил в Кабинет е. и. в. В 1785 г. произведен в коллежские асессоры (ЛЮ ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 549, л. 210; ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 808, л. 47, 55, 56; ЦГИА, ф. 468, оп. 32, д. 91, л. 4). 25 февраля 1794 г. он был принят на старую свою должность переводчика в Кабинет е. и. в. с жалованием 600 руб. в год (ЦГИА, ф. 468, оп. 1, д. 3909, л. 28).

²⁵ ЦГИА, ф. 468, оп. 32, д. 91, л. 5.

²⁶ 22 марта 1788 г. Екатерина II распорядилась выдать из государственной казны «как в возврат издержанных на набор, тиснение и бумагу, так и на раздел трудившимся при сем случае» 150 руб. (там же, д. 87, л. 1).

²⁷ Там же, д. 109, л. 41, 43; д. 93, л. 1—4; д. 105, л. 1—2.

рицы.²⁸ Не играли существенной роли в балансе типографии и многочисленные заказные издания: программы и афиши для дирекции императорских театров, два десятка переводных романов, стихотворные панегирики Екатерине II и географические атласы для народных училищ.

Около двух третей в перечне изданий типографии Тредиаковского составляли книги, изданные на счет Кабинета е. и. в. В первую очередь это были литературные труды самой императрицы: «Опера комическая Февей» (1789), «Сказка о Горе-богатыре Косометовиче» (1789), «Начальное управление Олега, подражание Шекспиру без сохранения феатральных обыкновенных правил» (1791) и его немецкий перевод (1792). Изящество шрифтов и нотных знаков, изысканная простота виньеток и иллюстраций, гравированных по эскизам Н. А. Львова, четкая соотнесенность всех элементов «книжного строения», которую удалось найти Тредиаковскому и его сотрудникам для пьес императрицы, превратили их в великолепные образцы русского полиграфического искусства конца XVIII в.²⁹ По заказам Кабинета Тредиаковский выпустил в свет полтора десятка книг и брошюр членов Вольного экономического общества, посвященных вопросам агрономии, животноводства и мануфактурного производства, два журнала — «Еженедельные известия Вольного экономического общества» (№ 1—52, 1788—1789 гг.) и «Продолжение трудов Вольного экономического общества» (ч. 37—46, 1787—1789 гг.), а также сочинения некоторых литераторов, удостоенных высочайшего покровительства и признания. В типографии Горного училища были напечатаны «Изображение Фелицы» Г. Р. Державина, четырехтомное собрание сочинений Я. Б. Княжнина (1787) и переводы С. Е. Гурьева и Л. И. Голенищева-Кутузова. Императрица распорядилась выдать в награду за труды Державину, Гурьеву и Голенищеву-Кутузову весь тираж, а Княжнину 150 экземпляров собрания его сочинений, которые он продал в 1788 г. Академии наук за 375 руб.³⁰

Однако особенное внимание Кабинет е. и. в. уделял публикации исторических памятников и сочинений по русской истории. Екатерина II охотно предоставляла субсидии на их издание. Под ее покровительством существовал кружок ученых-историографов, который возглавлял граф А. И. Мусин-Пушкин. Полиграфической базой этого кружка стала типография Тредиаковского. Здесь были

²⁸ Там же, д. 92. Из тиража в 1200 экз. по 12 экз. каждой части сочинения Канкрин были бесплатно переданы Горному училищу и по 5 экз. — П. А. Соймонову «для рассылки по разным горным заводам» (там же, д. 109, л. 25—26).

²⁹ Весь тираж этих книг коронованная заказчица оставила за собой, распорядившись «не выпускать в публику» для продажи ни одного экземпляра (там же, л. 19 об.). Однако 94 экз. «Февей» и 216 экз. «Сказки» исчезли из типографии раньше, нежели императрица успела наложить запрет на их распространение (там же, л. 42 об., 43).

³⁰ СК, т. 2, с. 45.

напечатаны «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский» В. Н. Татищева (1793), болтинские «Примечания на историю древняя и нынешняя Россия г. Леклерка» (1788)³¹ и «Ответ на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории» (1789), «Собрание народных песен с их голосами» (ч. 1, 1790),³² подготовленное к изданию и анжированное Н. А. Львовым, и принадлежавший ему «Летописец руской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича» (ч. 1—5, 1792).³³

Сам типограф не был только техническим исполнителем воли заказчиков. Уважение к памятникам древнерусской культуры проявилось у Тредиаковского еще в предисловии к переводу «Диоптры». В 1781—1784 гг. он, по-видимому, участвовал в подготовке к изданию летописей из собрания Типографской библиотеки и «Сказания» Авраамия Палицына,³⁴ а по приезду в Петербург принял активное участие в широком национальном движении за создание русской историографии, в котором объединились представители самых различных направлений и политических симпатий от Миллера до Болтина и от Новикова до Екатерины II.

Тредиаковский комментировал вместе с А. И. Мусиным-Пушкиным второе издание «Книги Большому чертежу» (1792), написал к ней предисловие и составил топографический указатель.³⁵ Вслед за этим он предпринял попытку самостоятельного исторического исследования в книге «Разговор между двумя приятелями Полигистором и Правдолюбом».³⁶ Все доводы автора этого сочинения в пользу создания истории своего отечества и рассуждения о причинах, которые мешают такой работе, были проникнуты чувством подлинного демократизма. По его мнению, «благоразумному и ученому обществу» пресекали «путь к сему важному и полезному делу надменные знатоки, которые, не зная ни силы, ни писания», за все хватались, «и прежде, нежели из-

³¹ Тираж 1200 экз., стоимость печатания 5680 руб. 86 коп. (ЦГИА, ф. 468, оп. 32, д. 94, л. 1—3).

³² Тираж 900 экз., стоимость печатания 3267 руб. 99 коп. (там же, д. 99, л. 1).

³³ Тираж 650 экз., стоимость печатания 1960 руб. 98 коп. (там же, д. 83, л. 1, 7—10).

³⁴ В начале октября 1778 г. обер-прокурор Синода Акчурин представил реестр рукописным книгам, хранящимся в Синодальной и Типографской библиотеках, и 13 октября состоялось высочайшее определение об их публикации («под смотрением надежнейших людей» (ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 657, л. 69—72). Печатание осуществлялось с 1781 по 1784 г. в Московской синодальной типографии и, видимо, «под смотрением» И. Н. Тредиаковского, ибо его подпись отсутствует в это время в заключениях корректоров о печатающихся книгах (там же, ф. 1184, оп. 2, д. 799, л. 85).

³⁵ Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей. М., 1845, т. 2, с. 97.

³⁶ Сочинение Тредиаковского так и не увидело свет и сохранилось в Отделе редких книг ГБЛ в единственном пробном оттиске с авторской правкой (СК, т. 3, с. 244).

дадут нелепое свое творение, все улицы, дома и книжные лавки» наполняли толками «о будущих пышных своих бреднях и заблуждениях, которыми, по их словам, битком набита будет их веле-лепная история». ³⁷ Хотя Тредиаковский и заканчивал свое сочинение присяжной похвалой императрице, по повелению которой «сделаны великие приуготовления, собраны бесчисленные древние летописи и всякие рукописи, могущие служить материалом к толь великому и полезному сочинению», однако его книга пла вразрез с господствующим направлением в русской историографии. В оценке так называемых «татищевских известий» Тредиаковский, сотрудник Болтина и Мусина-Пушкина, становился на сторону Щербатова, заявляя, что Татищев многие сведения в своей «Истории» «взял из архивы своей головы». Продолжение столь отважно начатых исторических штудий их автор ставил в зависимость от «беспристрастия публики». «Если просвещенная публика, — писал он, — сие первое одобрит творение, тогда ничего я не пощажу, ни времени, ни трудов». ³⁸

К сожалению, «просвещенной публике» так и не пришлось увидеть ни этого сочинения Тредиаковского, ни других его рассуждений о русской истории. Неожиданный крах ранее процветавшего предприятия заставил придворного типографа отказаться от теоретических экскурсов и обратиться к прозаическим заботам о хлебе насущном. 28 февраля 1792 г. последовал именной указ Екатерины II «впредь ни в каких типографиях как сочинений, так и переводов без особливого ее императорского величества повеления» на счет Кабинета не печатать. ³⁹ К тому времени Тредиаковскому была выплачена за печатание книг огромная сумма — 115 167 руб. 53 коп., однако оставался и довольно существенный долг — 15 464 руб. 75 коп. ⁴⁰ Главное же следствие указа — потеря дотаций Кабинета — лишило Тредиаковского основного источника существования. Опала П. А. Соймонова ⁴¹ довершила падение содержателя типографии Горного училища. «Не имея о себе ни рекомендателей, ни попечителей, — писал он статс-секретарю императрицы В. С. Попову 26 марта 1794 г., — а притом изнуряем будучи припадками, не мог доньше утруждать ваше превосходительство в моих крайностях... Я лишился места, жалованья и следовавшего мне по службе чина без худой с моей стороны заслуги. Дом мой, который мог бы в таком случае в пропитании меня учинить мне помощь, хотя и он по залогоу принадлежит лом-

³⁷ *Тредиаковский И. Н.* Разговор Полигистора с Правдолюбом..., с. 8—9.

³⁸ Там же, с. 129—131.

³⁹ ЦГАДА, ф. 468, оп. 32, д. 109, л. 1.

⁴⁰ Там же, л. 43.

⁴¹ 18 ноября 1793 г., вскоре после осуждения Новикова, Екатерина II уволила Соймонова «по прошению его... от присутствия в Кабинете» (ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 3908, л. 247). Обстоятельства опалы Соймонова неизвестны, но довольно вероятно, что основная причина императорского гнева была в открывшихся фактах издания ональным Новиковым книг по заказам Кабинета.

барду, к вящему моему несчастию завален казенным гартом и книгами, Кабинету ее величества принадлежащими с 1787 года. Имущество мое, сколько его было, все издержано на напечатание помянутых книг, за которые, однако, терпя по нескольку лет, платы от Кабинета ее величества не получаю ни в число настоящей суммы, ни процентов, а сам, напротив того, будучи разным людям должен, принужден, приумножая проценты, увеличивать данные мною вексели и щеты и через то совершенно разоряться. А как уверен я, что в сих моих крайностях никто, кроме вашего превосходительства, помощи и облегчения учинить мне не в силах, того ради всепокорнейше прошу сделать мне милость, избавить меня от сей стремнины, угрожающей мне сокрушением». ⁴² Три года дело его оставалось «безгласным». ⁴³ За это время разорился и сошел с ума типограф Маон, ⁴⁴ возвратился в Кабинет на свою прежнюю переводческую должность Лехавый, а ТрEDIAKовскому пришлось продать типографию Синоду, ⁴⁵ расстаться с петербургским домом и поселиться в незадолго до того приобретенной ⁴⁶ деревушке под Нарвой. В декабре 1796 г. за несколько дней до смерти Екатерина II еще раз подтвердила свое решение не выкупать у ТрEDIAKовского напечатанных по заказам Кабинета книг. Павел I по восшествии на престол распорядился выплатить долг, однако все расчеты с ТрEDIAKовским завершились только к концу июня 1800 г. ⁴⁷

Книги, напечатанные И. Н. ТрEDIAKовским, долго еще пылились на полках кабинетского архива после того, как их издатель, отторгнутый от активной общественной деятельности, почил вечным сном на деревенском кладбище в Ямбургском уезде. ⁴⁸ Полторы тысячи книг, изданных им «со всевозможным типографским тщанием» (220 экз. «Начального управления Олега», 300 экз. «Сказки о Горе-богатыре Косометовиче», 201 экз. «Февея» и др.) хранились здесь до начала 60-х гг. XIX в. В ноябре 1861 г. Каби-

⁴² ЦГИА, ф. 468, оп. 32, д. 109, л. 32.

⁴³ Там же, л. 36.

⁴⁴ «Мой муж, — писала Агата Маон в челобитной Павлу I от 5 декабря 1796 г., — был приглашен из Парижа в типографию Горного училища... Однако вскоре после его приезда в Россию эта типография пришла в упадок из-за опалы генерала Соимонова. Контракт, заключенный с моим мужем, был нарушен противу всех человеческих правил: он остался без места и без средств к существованию... Горе сломило этого слабого здоровьем человека и его пришлось поместить в дом для умилившихся, где он находится и поныне...» (ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 37560, л. 1. Подлинник на французском языке).

⁴⁵ 13 мая 1793 г. ТрEDIAKовский продал Синоду за 450 руб. три книгопечатных стана «дубового дерева» со всей к ним «принадлежностью» (ЦГИА, ф. 796, оп. 74, д. 218, л. 1—3).

⁴⁶ В октябре 1783 г. ТрEDIAKовский писал, что «людей и крестьян за собой не имеет» (ЦГАДА, ф. 1184, оп. 1, д. 11803, л. 12).

⁴⁷ ЦГИА, ф. 468, оп. 32, д. 109, л. 52, 58, 120.

⁴⁸ См. дело об установлении опеки над вдовой ТрEDIAKовского и его малолетней дочерью Еленой, начатое весной 1807 г. — Ленингр. гос. историч. архив, ф. 536, оп. 9, д. 3966, л. 1.

нет е. и. в. принял решение выдать по одному экземпляру каждого издания Публичной библиотеке и Московскому Румянцевскому музею, а остальные «продать с аукционного торга на вес». Среди 223 пудов «макулатуры», приобретенной крестьянином Углического уезда Ярославской губернии Андрианом Яковлевым по цене 1 руб. 25 коп. за пуд, были 148 экз. львовского «Собрания народных песен с их голосами» (1/6 часть тиража!) и много других полезных и превосходно напечатанных книг.⁴⁹

Печальный конец многолетней энергичной деятельности И. Н. Третьяковского типичен для судеб русских книгоиздателей века Просвещения — Новикова и Радищева, Рахманинова и Петра Богдановича, Овчинникова и Вицмана, — брошенных в застенки, опельмованных и разоренных до нитки. Трагедия содержателя типографии Горного училища — вполне характерный эпизод из истории той эпохи.

⁴⁹ ЦГИА, ф. 468, оп. 32, д. 43, л. 2—4, 37, 53 об., 73.